

CULTURAL DIPLOMACY IN THE ERA OF SOCIALISM

DOI 10.15826/qr.2020.5.547

УДК 930(470)"19" + 327.54 + 327.51(1-11) + 316.75

ВО ИМЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА: КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВОСТОЧНОГО БЛОКА*

Оксана Нагорная

Ярославский государственный педагогический университет,
Ярославль, Россия

PROMOTING THE SOCIALIST COMMUNITY: EFFORTS AND EFFECTS OF THE SOCIALIST CAMP'S CULTURAL DIPLOMACY

Oksana Nagornaia

Yaroslavl State Pedagogical University,
Yaroslavl, Russia

Based on an analysis of modern Cold War historiography, the article considers current discussions, topics, and perspectives in the chosen research landscape. Taking into account the modern circumstances, the author concludes that in the latest publications, there is a tendency to reconsider the dichotomic model "Sovietisation vs Americanisation" and, instead, take a closer look at the representations of socialism and the structures and actors of cultural diplomacy in Eastern Europe. Referring to propaganda projects of socialist integration and intercultural spaces, the author demonstrates what was specifically socialist about the forms and instruments of representations of the Eastern Bloc, the conflicting spheres of collaboration, and independent initiatives of people's democracies in the sphere of cultural diplomacy. The author concludes that at the end of the Second World War, the propaganda system in the Soviet Union was integrated into a larger scheme of presenting the world system of socialism

* *Citation:* Nagornaia, O. (2020). Promoting the Socialist Community: Efforts and Effects of the Socialist Camp's Cultural Diplomacy. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1597–1611. DOI 10.15826/qr.2020.5.547.

Цитирование: Nagornaia O. Promoting the Socialist Community: Efforts and Effects of the Socialist Camp's Cultural Diplomacy // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1597–1611. DOI 10.15826/qr.2020.5.547 / Нагорная О. Во имя социалистического содружества: культурная дипломатия Восточного блока // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1597–1611. DOI 10.15826/qr.2020.5.547.

where the Eastern European states became symbolically appropriated spaces and promising symbolic resources. The cultural initiatives of the socialist countries of Eastern Europe at the international level testify to the cultural pluralism in the Eastern Bloc. The independent steps the countries of the socialist camp took for self-realisation on the international arena testify to this cultural pluralism. The effectiveness of their symbolic messages was facilitated by the geographical proximity to borders, integration into the contexts of western culture, and better developed information resources. In the article, the author's own analysis is preceded by a review of materials thematically related to the section of the journal on the cultural diplomacy of socialism. Articles referred to in the study and devoted to the projects of the socialist camp prove the thesis that the Eastern Bloc that emerged during the Cold War and the hybrid identities developed under its influence survived the breakdown of the bipolar order and are important for modern culture.

Keywords: transnational history, Cold War, socialist camp, socialist integration, Eastern Bloc, cultural diplomacy.

На основании анализа современной историографии холодной войны выявляются актуальные тенденции развития существующих тематических полей, а также перспективные направления изучения глобального феномена. В новейших условиях назрела необходимость пересмотра дихотомической модели «советизация vs американизация» в пользу дифференцированного подхода к изучению внешнеполитических репрезентаций социализма, институтов и акторов культурной дипломатии Восточного блока. На примерах имиджевых проектов социалистической интеграции и пространств внутри- и межблоковой коммуникации автор демонстрирует специфику форм и механизмов трансляции образа социалистического лагеря на зарубежную общественность, конфликтные поля сотрудничества, самостоятельные инициативы стран народной демократии в сфере культурной дипломатии. Сделан вывод о том, что после окончания Второй мировой войны пропаганда Советского Союза встраивалась в более масштабную конструкцию презентации мировой системы социализма, в которой государства Восточной Европы приобретали для СССР статус неосвоенных символических пространств и имиджевых ресурсов. Самостоятельные шаги стран социалистического лагеря по саморепрезентации на международной арене свидетельствуют о культурном плюрализме внутри Восточного блока. Эффективности символических посланий способствовали и географическая близость к границам блоков, и большая интегрированность в контексты западной культуры, и более развитые информационные ресурсы. Авторский анализ предваряет обзор материалов тематического раздела журнала о культурной дипломатии социализма. Представленные в блоке статьи, посвященные событийным проектам социалистического лагеря, наглядно иллюстрируют тезис о том, что возникшие в период холодной войны инструменты саморепрезентации Восточного блока, а также сложившиеся под их влиянием гибридные идентичности пережили

крах биполярного порядка и являются определяющими для современных культурных пространств.

Ключевые слова: транснациональная история, холодная война, социалистический лагерь, социалистическая интеграция, Восточный блок, культурная дипломатия.

В современных социогуманитарных науках осмысление холодной войны как глобального феномена происходит в рамках не столько традиционных военно-политических и дипломатических концепций, сколько культурных и антропологических подходов. Отказываясь от жестких схем интерпретации межблокового противостояния, исследователи все чаще пересматривают концепцию «железного занавеса» в пользу представления о проницаемости границ блоков и внеблоковых пространств, об интенсивном трансфере идей, объектов, капиталов и людей. Объединяющим тезисом выступает утверждение, что при наличии жесткого антагонизма военных и экономических блоков именно культурные (в широком смысле) контакты обеспечивали возможность функционирования систем и их стабилизации в ситуации частых геополитических кризисов [Nagornaia, Nikonova]. В новейших работах подчеркивается, что развитие новых транспортных и трансляционных технологий во второй половине XX в. привело к противоречащему логике глобального конфликта уплотнению транснациональной коммуникации: стремительно демократизировались практики международных контактов, увеличивалась индивидуальная и групповая мобильность, сложились условия для туристской революции. Смена концептуальной и методологической оптики породила интерес к изучению «холодной войны культур», «культур холодной войны» [Cold War Cultures; Divided Dreamworlds?], эмоциональных режимов глобального конфликта [Angst im Kalten Krieg; Trust, but Verify; Feinberg; Wheeler], его отражения на уровне повседневности.

В современной историографии холодной войны внимание обращено на феномен культурной дипломатии, под которым понимается особый вид политической коммуникации с участием государственных органов, общественных организаций, а также отдельных индивидов, нацеленный на формирование заданных культурных смыслов и их трансляцию как на зарубежную, так и на внутреннюю аудиторию [Советская культурная дипломатия]. Несмотря на то, что сам термин был впервые использован применительно к осмыслению внешней политики СССР, и в частности «хрущевского культурного наступления» [Barghoorn], до недавнего времени в данном тематическом поле доминировали исследования внешнеполитических репрезентаций США [The Cultural Cold War, p. VIII]. На сегодняшний день наблюдаются дифференциация исследовательских интересов в пользу других регионов и контекстов, формирование научных представлений о неоднозначной рецепции смысловых посланий сверхдержав, об эффек-

тах обратного культурного влияния целевых аудиторий, о создании оригинальных культурно-дипломатических концепций и практик в развивающихся странах.

Важная трансформация наблюдается и в изучении культурно-символических аспектов бытования Восточного блока. Долгое время в большинстве исследований, рассматривавших культурное и коммуникационное измерение взаимоотношений СССР и стран Восточной Европы, преобладало представление об исключительно насильственном характере формирования культурных практик в социалистическом лагере, о безоглядной советизации культурных пространств стран-сателлитов, о скрытом и открытом тяготении творческих деятелей социалистических стран к западным культурным моделям [Behrends; Babiracki]. В ряде новейших исследований подчеркивается более значимая роль социалистического лагеря в процессах «второй глобализации» [Mark, Rupprecht], описывается наличие более сложных схем и практик взаимоотношений «гегемона» с «сателлитами».

Так, А. Тихомиров подчеркивает дифференцированный характер пропаганды Советского Союза в новых социалистических государствах и констатирует, что образ Сталина, ставший краеугольным камнем послевоенных идеологических кампаний в Восточной Европе, был адаптирован к специфике культурно-политической ситуации конкретной страны [Тихомиров]. При анализе первого послевоенного юбилея Октябрьской революции О. Никонова также выявляет попытки «перевода» советских трактовок на понятный для населения стран Восточной Европы политический язык. При этом она подчеркивает, что, наряду с советскими пропагандистами, инициаторами и реализаторами этого переложения выступали представители национальных элит [Nikonowa]. Изначальную готовность части творческой и научной интеллигенции выступить посредниками «советской культурной экспансии» фиксирует на материалах Польши В. Волобуев [Волобуев]. Отход от дихотомической модели «советизация против американизации» позволяет наметить для изучения пространства самостоятельных действий социалистических стран на международной арене, их вклад в создание, поддержание и размывание структур новой по своему типу глобальной культуры холодной войны [Bonfiglioli; Rora]. Перспективными видятся исследования, посвященные реконструкции языков самоописания и внешних репрезентаций проекта социалистической интеграции, изучению каналов и инструментов трансляции вовне инсценированной единой культуры социализма, представлений собственному населению и зарубежной общественности преимуществ новой социально-экономической модели. Данная статья не претендует на окончательные выводы, целями автора являются обозначение возможных исследовательских полей и приглашение коллег к научной дискуссии.

* * *

Непосредственно после окончания Второй мировой войны СССР пытался использовать статус страны-победителя и рост интереса к советскому со стороны международной общественности для массовизации целевых аудиторий за рубежом. Отход от работы с узкой группой левых симпатизантов, характерной для межвоенного периода, ставил перед системой советской культурной дипломатии задачи переопределения идеологических установок и дифференцированной работы с крупными социальными и профессиональными группами зарубежной общественности, на что тратились столь дефицитные в этот период ресурсы. Ключевыми символическими посланиями послевоенного периода становятся метафоры мира и дружбы, их адресатами – молодежь, женщины, представители развивающихся стран. Пропаганда Советского Союза отныне встраивалась в более масштабную конструкцию презентации мировой системы социализма, в которой государства Восточной Европы приобретали для СССР статус, с одной стороны, имиджевых ресурсов, с другой – опекаемых клиентов.

Институциональное оформление новое целеполагание внешнеполитических репрезентаций социализма получило в создававшихся непосредственно после окончания Второй мировой войны международных организациях – Международной демократической федерации женщин (МФДЖ), Всемирной федерации демократической молодежи, Всемирном совете мира и т. д. На ранних этапах своей деятельности они превращаются в значимые площадки формирования антиимпериалистической и миротворческой риторики, паролей эмансипации и дискуссий о правах человека [Donert; Poulos]. В условиях эскалации холодной войны и развертывания антисоветской пропаганды со стороны западных стран данные организации были вынуждены бороться с обвинениями в несамостоятельности, тратить значительные ресурсы на попытки доказать свою независимость от решений Кремля. С этой целью использовался и символический капитал восточноевропейских стран: важные инициативы политического и дисциплинарного характера распространялись от их имени. К примеру, первый Всемирный фестиваль молодежи и студентов был организован в 1947 г. в Праге, там же состоялся первый Всемирный конгресс сторонников мира 1949 г. В целях вуалирования своей роли в деятельности международных миротворческих площадок СССР длительное время избегал проведения мероприятий на своей территории. Представительства этих организаций в зарубежных странах получали щедрую финансовую поддержку со стороны СССР. Например, в 1962 г. расходы на проведение конференций МФДЖ, включая конгрессы и заседания бюро, организацию миссий федерации в азиатские страны, достигли около 200 тыс. долларов [ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 153. Л. 89 (Бюджет МФДЖ на 1962 г.)]. Представители стран

Восточной Европы доминировали и в руководстве этих организаций, и среди номинантов различных почетных наград для борцов за мир. К примеру, в первые годы существования Сталинских премий мира даже существовал мораторий на их вручение советским деятелям науки и культуры [Нагорная]. Тем самым обеспечивалась символическая интеграция политических и творческих деятелей стран народной демократии в пантеон героев социализма, важная не только для стратегии закрепления советского присутствия в Восточной Европе, но и для духовной мобилизации населения СССР.

Проблемной зоной усилий по репрезентации единства соцлагеря на международной арене долгое время оставался вопрос о полномочном присутствии ГДР в многочисленных культурных, научных и профессиональных союзах и организациях, о возможности для творческих деятелей страны вопреки доктрине Халыштейна представлять достижения своей страны на крупных форумах, проходивших в капиталистическом лагере. Для системы советской культурной дипломатии патронат интересов ГДР вне Восточного блока был своеобразной навязчивой идеей, во имя которой тратились значительные реальные и символические ресурсы, мобилизовывались остальные страны социалистического лагеря. Так, в 1965 г. функционеры советского Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами в переписке с ЦК КПСС обсуждали следующую стратегию действий:

Желательно было бы знать, в какие международные организации ГДР имеет в виду вступить, в каких из них следует добиваться устранения дискриминационного отношения к ГДР... какая нужна помощь советских организаций в поддержке участия ГДР в различных международных форумах. Пропаганду ГДР на третьи страны можно вести через издания за границей. Если излагать материал о ГДР под углом зрения межгосударственных отношений, существующих между СССР и ГДР, то у третьих стран не будет оснований возражать против этого [ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 25. Л. 149–150 (ЦК КПСС тов. Гранову. Апрель 1965 г.)].

Тем не менее, представители Восточной Германии регулярно выражали недовольство недостаточностью, по их мнению, усилий советской стороны в культурной сфере, требуя более интенсивного согласования позиции соцстран «в смысле поддержки ГДР» перед крупными международными совещаниями [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 151. Л. 22].

Блокада интересов ГДР на международном уровне со стороны западных партнеров представлялась в выступлениях представителей социалистических стран как свидетельство дискриминации и несоблюдения принципов международного права [РГАЭ. Ф. 302. Д. 245. Оп. 2. Л. 18 (Выступление главы делегации НРБ на Конференции ООН по вопросам торговли и развития. 3.04.1964)]. После начала волны дипломатических признаний ГДР в 1970-х гг. социалистический лагерь выступил единым фронтом на всех уровнях в целях скорейшего при-

нения Восточной Германии в качестве полноправного члена международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ). Средством давления была избрана политика бойкота социалистическими странами всех глобальных форумов, если туда не приглашались представители ГДР.

Образ единого социалистического лагеря ставился под угрозу в ситуации кризисов внутри Восточного блока, в частности, после вооруженного вмешательства во внутренние дела Венгрии в 1956 г. и Чехословакии в 1968 г. Укрепить воображаемое единство и транслировать вовне собственную версию событий СССР пытался в рамках крупных международных мероприятий. Одной из подобных площадок стали всемирные выставки, первая из которых с участием стран Восточного блока проходила в 1958 г. в Брюсселе. Участие Венгрии и монтаж для нее отдельного выставочного павильона (помимо СССР и ВНР, из всех соцстран участвовали лишь Чехословакия и Югославия) позволили создать иллюзию процветающей мирной страны, где именно после победы над «контрреволюцией 1956 г.» с помощью советских войск был достигнут высокий культурный и потребительский уровень.

Зоной репрезентации достижений социалистического лагеря в условиях глобальной деколонизации стала сфера научно-технического и культурного сотрудничества с так называемыми странами «третьего мира». В соответствии с контекстом эпохи государства социалистического лагеря рассматривали идеологическое и научное присутствие в освободившихся от колониальной зависимости странах как специфический символический капитал, который мог быть использован для усиления влияния на международной арене и улучшения позиций в иерархии лидеров научно-технической революции. Одновременно с Советским Союзом ГДР и Чехословакия уделяли огромное внимание научному сотрудничеству с развивающимися странами и обучению иностранных студентов. В коммуникации с советскими функционерами успехи на данном поприще служили подтверждением развитости национальных систем науки и образования и обоснованием попыток освободиться от доминирования советской модели. Примечательно, что подобная конкуренция среди соцстран играла на руку самим реципиентам помощи, пытавшимся выторговать себе большие преференции со ссылкой на возможность альтернативных источников научных и образовательных технологий.

Если символическое значение сотрудничества с развивающимися странами не ставилось в Восточном блоке под сомнение, то советская стратегия его реализации, заключавшаяся в готовности принести экономическую эффективность в жертву политическим и идеологическим соображениям, не всегда находила понимание у не столь мощных в ресурсном отношении восточноевропейских партнеров. К примеру, представители ГДР признавались, что «усиление культурного обмена с Индией и Индонезией связано с большими финансовыми затратами, и одна ГДР не в состоянии нести такие расходы» [ГАРФ. Ф. Р-8581.

Оп. 2. Д. 470. Л. 82 (Запись беседы с замминкультуры ГДР Э. Вендтом. 28.4.1958)]. Одновременно функционеры Коммунистической партии Чехословакии жаловались, что упускают «огромные возможности, существующие для проведения социалистической пропаганды в странах Азии и Африки... потому что они обходятся очень дорого... все расходы по поездкам коллективов ложатся на нас самих» [ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 470. Л. 1–13 (Запись беседы с МИД Чехословакии В. Давид. 24.4.1958)]. Именно чрезмерная затратность внешней культурной политики в развивающихся странах вынуждала их настаивать на совокупных усилиях всех представителей социалистического лагеря, а также обращаться к СССР с просьбой о необходимой координации подобной политики, обязательности пропаганды в странах «третьего мира» достижений не отдельной страны, а социализма в целом.

Действительно, в рамках ряда международных мероприятий удалось выработать совместную позицию социалистического лагеря по ключевым вопросам политики и культуры и заранее согласовывать выступления представителей стран Восточной Европы на форумах. Так, в ситуации венгерского кризиса 1956 г., когда международному имиджу социалистического лагеря был нанесен серьезный удар, попытки трансляции советского видения событий осуществлялись именно в сфере деятельности негосударственных организаций. Для этого использовались все публичные площадки с участием лояльных соцлагерю творческих деятелей из капиталистических стран. В рамках Международной ассоциации юристов-демократов, деятельность которой была предметом пристального внимания органов советской культурной дипломатии, представители Англии и Бельгии настаивали на отправке независимой наблюдательной комиссии в Венгрию, а также на независимой экспертизе дела Имре Надя. В случае отказа они грозили выходом из ассоциации. Советские представители всеми средствами противодействовали назревавшему скандалу, пытаясь отложить вопрос до следующей сессии в надежде, что он утратит свою актуальность. Решающей в этой ситуации стала согласованная заранее позиция румынских делегатов, которые подтвердили советскую версию о нахождении И. Надя и его окружения на курорте близ Бухареста в целях обеспечения их же безопасности [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 506. Л. 148 (Отчет о сессии секретариата МАЮД 30–31.3.1957 в Праге)].

В отдельных случаях следование общей линии блока осуществлялось и вне директив со стороны СССР. К примеру, в 1966 г. в отсутствие советских представителей на заседаниях исполкома пен-клуба в Лондоне болгарская делегация (при поддержке венгерских и чехословацких коллег) настояла на исключении из повестки вопроса о процессе против А. Синявского и Ю. Даниэля в СССР. В отчете советских писателей постфактум оценивалось, что «болгарские друзья свою миссию выполнили достойно» и получили «сердечную благодарность за поддержку» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 156. Л. 190. 12.04.1966 (ЦК КПСС. Воронков К. – секретарь правления Союза писателей СССР)].

Имиджевыми проектами социалистической интеграции выступали крупные стройки и совместные мероприятия: Интеркосмос, энергосистема «Мир» и т. д. Одним из самых излюбленных образов внутриблоковой пропаганды стало строительство нефтепровода «Дружба», позиционировавшееся в международной среде как «основанное на братской взаимопомощи стран – членов СЭВ плодотворное сотрудничество по строительству этого крупнейшего в мире уникального сооружения, имеющего исключительно важное значение для развития экономики Польши, ГДР, Венгрии и Чехословакии» [РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 248. Л. 5 (Проекты постановлений и распоряжений, выносимые Постоянным представительством СССР в СЭВ в ЦК КПСС и Совмин на рассмотрение и утверждение. 15.1.1965)]. Образ дружбы, воплощенный в виде постановочных фотографий, фильмов, текстовых материалов, транслировался не только в пространствах межкультурной коммуникации социалистических государств (выставках, фестивалях, трансляциях), но и вне стран Восточного блока.

Эффективным инструментом символической интеграции социалистического лагеря выступила космическая тема. Глобальное лидерство первой социалистической страны в орбитальной программе было представлено как подтверждение претензий на превосходство социально-экономической модели в целом. После полетов Ю. Гагарина и В. Терешковой космические репрезентации были персонифицированы: визиты советских космонавтов в социалистические страны вызывали эйфорию местного населения, их фотографии пользовались неизменным успехом на международных мероприятиях любой тематики. Руководители Чехословацко-советского общества дружбы с восторгом писали: «только за один день 12 апреля, в день полета майора Юрия Гагарина в космос, в нашу организацию вступило 5 000 новых членов» [ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 16. Д. 71. Л. 263 (Областной комитет Союза чехословацко-советской дружбы. Брно. 28.5.1961)]. В августе 1961 г., через пять лет после вхождения советских танков в Будапешт, триумфальный проезд первого космонавта по венгерской столице завершился вручением ему ордена Знамени ВНР I степени с бриллиантами и наименованием в его честь одной из улиц. Трагическая гибель Гагарина в 1968 г. вызвала массу сочувственных откликов граждан социалистических стран уже вне особой инсценировки. Вот одно из множества писем, поступавших в адрес обществ дружбы:

Разрешите выразить вам большое сочувствие к трагической смерти героев Советского Союза, в том числе особенно и трагической смерти Ю. А. Гагарина. <...> ...лучший друг Чехословакии. Нам не хотелось верить такой вести... Дорогие друзья, ваша печаль – и наша печаль... Он навсегда останется действительным героем нашей молодежи [ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 299. Л. 141 (Ремесленное училище Ждяра на Сазаве. 10.4.1968)].

Ю. Рихерс справедливо подчеркивает, что «космос стал частью общей потребительской культуры, моды, эстетики, а также трансграничным «социальным цементом» государств Варшавского договора» [Richers]. Не случайно уже на излете популярности социалистического проекта на рубеже 1970–1980-х гг. Интеркосмос запустил серию полетов с участием космонавтов из социалистических стран. Часть из них была приурочена к знаменательным датам истории социалистического строительства в Восточной Европе и презентовалась как «яркий пример дальнейшего укрепления братской дружбы и тесного сотрудничества» [«Посетите Германскую Демократическую Республику»]. Приобщение к советским космическим достижениям представителей социалистических стран создавало эмоционально заряженные и разделяемые совместные места общештатской памяти, которые могли быть восприняты как интеграционное предложение всеми социальными, возрастными и гендерными группами.

Еще одной «витриной» братской взаимопомощи стала система обучения граждан социалистических стран в советских вузах. Подготовка кадров для национального производства и интеграционных структур СЭВ, их идеологическое воспитание в духе дружбы с СССР и лояльности системе социализма в целом расценивались как одна из важнейших областей борьбы за победу коммунистической идеологии. Соответственно, в систему обучения на протяжении всего времени существования Восточного блока вкладывались значительные материальные и символические ресурсы. Численность подготовленных специалистов, имена известных выпускников, их достижения в научной сфере использовались в целях демонстрации капиталистическим и развивающимся странам солидарности социалистического лагеря.

Культурно-символическое закрепление сфер влияния в Восточной Европе, сформированных из неоднородных, часто чуждых или даже враждебно настроенных к СССР образцов восприятия, ставило перед системой советской пропаганды задачу оформления и трансляции определенных представлений далекого и недавнего прошлого, формирования на их основе совместных вариантов будущего. А. Попов считает весьма показательным, что «именно в социалистических странах Восточной и Центральной Европы, а не на территории СССР появились первые крупные мемориальные комплексы, посвященные событиям Второй мировой войны в их советской интерпретации. Помимо всего прочего, они выполняли важную геополитическую функцию, обозначая границы советской сферы влияния, а также служили своеобразным тестом на лояльность представителей политической элиты недавно образованных государств социалистического лагеря» [Советская культурная дипломатия, с. 221]. В последующие годы данные мемориалы играли роль своеобразных символических опорных пунктов для актуализации господствующих нарративов в сознании населения стран соцлагеря и их зарубежных визитеров при проведе-

нии государственных визитов, организации туристических поездок, научных и образовательных программ.

С другой стороны, прямолинейные советские символические порядки, транслируемые на включенные в зону советского влияния восточноевропейские территории, воспринимались принимающими сторонами далеко не всегда однозначно положительно. Противоречия национальных нарративов проявлялись в течение всего периода существования социалистического лагеря не только на уровне обывателей, но и в контролируемой сверху научной и образовательной среде, где регулярно вспыхивали «политически неудобные» диспуты, в которых представители стран народной демократии ставили под сомнение советские версии событий. Достаточно часто своевольные интерпретации выходили в международную среду, нарушая столь тщательно оберегаемую СССР видимость единства социалистического лагеря критикой социалистической культуры [ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 470. Л. 37 (Политическая информация о положении в Союзе польских писателей и польской литературе. 28.2.1958)]. Образ братства и взаимопомощи социалистических стран не способствовал преодолению исторических конфликтов между народами Восточной Европы. В образовательных пространствах советских вузов не удавалось примирить польских и восточногерманских представителей по вопросу послевоенных границ. На Всемирном фестивале молодежи и студентов в Варшаве 1955 г. делегаты из ГДР жаловались на преследования со стороны местного населения, советские представители зафиксировали девять случаев избиений и были вынуждены организовывать сопровождение немецких студентов в их передвижениях по городу [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 363. Л. 142 (ЦК КПСС. По Всемирному фестивалю в Варшаве. Секретно. 25.8.1955)].

В целом на протяжении всего периода существования Восточного блока в результате усилий по его символической интеграции сложилась целая когорта творческих деятелей, которым приписывался вне-национальный статус носителей социалистической культуры. К данному сообществу относились прежде всего литераторы – А. Зегерс, М. Садовяну, З. Неедлы, В. Василевская, Б. Брехт и др., чьи авторитет и популярность во всех странах Восточной Европы тщательно поддерживались посредством перевода их произведений на национальные языки многотысячными тиражами. Со временем в это сообщество были включены покорители космоса и известные спортсмены. Символический капитал представителей данной когорты использовался в целях придания веса определенным общественным организациям (Всемирному совету мира, Комитету по вручению Сталинских (Ленинских) премий мира, Международной демократической федерации женщин), оформления торжественных церемоний (вручения наград, празднования значимых для социалистического лагеря юбилеев). В кризисных ситуациях творческих деятелей предполагалось использовать в качестве канала трансляции единой политической

линии и воспитательного воздействия на «отклоняющиеся» национальные элементы.

* * *

Расширение сфер советского влияния в Восточной Европе и в Азии требовало не только их военно-политического, но и символического подчинения, обучения разнородных частей разросшейся советской империи «говорению по-советски» [Тихомиров, с. 9]. В целом можно говорить и о попытках механистического переноса выработанных за десятилетия существования СССР культурных смыслов и практик в страны народной демократии, и об их адаптации к локальной специфике. Параллельно с развитием структур экономической и политической интеграции выстраивалась система репрезентаций социалистического лагеря как воображаемого целого успешного проекта. Транслируемые образы должны были не только стать привлекательными для общественности капиталистических и развивающихся стран, но и поддерживать у собственного населения чувство лояльности к системе. В рамках масштабного амбициозного проекта были найдены новые формы символической мобилизации, которые в зависимости от контекста могли не только обеспечить желаемый эффект, но и привести к сложным конфликтам. Трансформация системы репрезентаций соцлагеря происходила под влиянием глобальных и внутриблоковых кризисов, а также внутренней динамики развития дискурсов и институций. При этом возникшие в условиях холодной войны формы и инструменты культурных репрезентаций, а также групповые и индивидуальные идентичности являются определяющими и для современных культурных пространств.

Список литературы

Волобуев В. В. Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. 270 с.

ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 153; Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 470; Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 25; Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 299; Оп. 16. Д. 71.

Нагорная О. С. «Если друзья сочтут целесообразным выдвинуть... мы поддержим» : Международные Ленинские премии мира в системе советской культурной дипломатии // Новейшая история России. Т. 8. 2018. № 3. С. 737–753. DOI 10.21638/11701/spbu24.2018.313.

«Посетите Германскую Демократическую Республику» / Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР. [Б. м.] : [Б. и.], [Б. г.].

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 363; Оп. 36. Д. 151.

РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 245, 248.

Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны (1945–1989) / науч. ред. О. С. Нагорная. М. : РОССПЭН, 2018. 445 с.

Тихомиров А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М. : РОССПЭН, 2014. 310 с.

Angst im Kalten Krieg / Hrsg. von B. Greiner. Hamburg : Hamburger Ed. und Mittelweg 36, 2009. 527 S.

Babiracki P. Soviet Soft Power in Poland: Culture and the Making of Stalin's New Empire 1943–1957. Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 2015. 344 p.

Barghoorn F. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton : Princeton Univ. Press, 1961. 353 p.

Behrends J. C. Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2006. 438 S.

Bonfiglioli C. Revolutionary Networks. Women's Political and Social Activism in Cold War Italy and Yugoslavia (1945–1957) : PhD Diss. [S. l.] : [S. n.], 2012. 296 p.

Cold War Cultures: Perspectives on Eastern and Western European Societies / ed. by A. Vowinckel, M. Payk, T. Lindenberger. N. Y. : Berghahn Books, 2012. 396 p.

Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West / ed. by P. Romijn, G. Scott-Smith, J. Segal. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2012. 239 p.

Donert C. From Communist Internationalism to Human Rights : Gender, Violence and International Law in the Women's International Democratic Federation Mission to North Korea, 1951 // Contemporary Europ. History. Vol. 25. 2016. No. 2. P. 313–333. DOI 10.1017/S0960777316000096.

Feinberg M. Curtain of Lies: The Battle over Truth in Stalinist Eastern Europe. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2017. 256 p.

Mark J., Rupprecht T. The Socialist World in Global History. From Absentee to Victim to Co-Producer // The Practice of Global History. European Perspectives / ed. by M. Middell. L. ; N. Y. : Bloomsbury Academic, 2019. P. 81–115. DOI 10.5040/9781474292184.ch-004.

Nagornaia O., Nikonova O. Sowjetische Kulturdiplomatie in Osteuropa in der Nachkriegszeit : Ein Überblick über die neuesten Veröffentlichungen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 66. 2018. No. 2. P. 274–298. DOI 10.25162/jgo-2018-0011.

Nikonowa O. Ju. 1947. Gesichter des Nachkriegssozialismus // 100 Jahre Rote Oktober. Zur Weltgeschichte der Russischen Revolution / Hrsg. von J. C. Behrends, N. Katzer, T. Lindenberger. München : Ch. Links Verlag, 2017. S. 107–131.

Popa R. M. Translating Equality between Women and Men across Cold War Divides: Women Activists from Hungary and Romania and the Creation of International Women's Year // Gender Politics and Everyday Life in State Socialist Eastern and Central Europe / ed. by S. Penn, J. Massino. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2009. P. 59–74.

Poulos M. Transnational Militancy in Cold-War Europe: Gender, Human Rights, and the WIDF during the Greek Civil War, European Review of History // Revue Européenne d'Histoire. Vol. 24. 2017. No. 1. P. 17–35. DOI 10.1080/13507486.2016.1155539.

Richers Ju. Welt-Raum: Die Sowjetunion im Orbit // Globalisierung imperial und sozialistisch. Russland und die Sowjetunion in der Globalgeschichte. 1851–1991 / Hrsg. von M. Aust. Frankfurt a/M : Campus, 2013. S. 400–424.

The Cultural Cold War in Western Europe 1945–1960 / ed. by G. Scott-Smith, H. Krabbendam. L. ; Portland : Frank Cass, 2003. 335 p.

Trust, but Verify: The Politics of Uncertainty and the Transformation of the Cold War Order, 1969–1991 / ed. by M. Klimke et al. Stanford : Stanford Univ. Press, 2016. 272 p.

Wheeler N. Trusting Enemies: Interpersonal Relationships in International Conflict. Oxford : Oxford Univ. Press, 2018. 384 p.

References

Babiracki, P. (2015). *Soviet Soft Power in Poland: Culture and the Making of Stalin's New Empire 1943–1957*. Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press. 344 p.

Barghoorn, F. (1961). *The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton, Princeton Univ. Press. 353 p.

Behrends, J. C. (2006). *Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau. 438 S.

Bonfiglioli, C. (2012). *Revolutionary Networks. Women's Political and Social Activism in Cold War Italy and Yugoslavia (1945–1957)*. PhD Diss. S. l., S. n. 296 p.

Donert, C. (2016). From Communist Internationalism to Human Rights: Gender, Violence and International Law in the Women's International Democratic Federation Mission to North Korea, 1951. In *Contemporary Europe. History*. Vol. 25. No. 2, pp. 313–333. DOI 10.1017/S0960777316000096.

Feinberg, M. (2017). *Curtain of Lies: The Battle over Truth in Stalinist Eastern Europe*. N. Y., Oxford Univ. Press. 256 p.

GARF [State Archive of Russian Federation]. Stock R-7928. List 4. Dos. 153; Stock R-8581. List 2. Dos. 470; Stock R-9518. List 1a. Dos. 25; Stock R-9576. List 4. Dos. 299; List 16. Dos. 71.

Greiner, B. (Hrsg.). (2009). *Angst im Kalten Krieg*. Hamburg, Hamburger Ed. und Mittelweg 36. 527 S.

Klimke, M. et al. (Eds.). (2016). *Trust, but Verify: The Politics of Uncertainty and the Transformation of the Cold War Order, 1969–1991*. Stanford, Stanford Univ. Press. 272 p.

Mark, J., Rupprecht, T. (2019). The Socialist World in Global History. From Absentee to Victim to Co-Producer. In Middell, M. (Ed.). *The Practice of Global History. European Perspectives*. L., N. Y., Bloomsbury Academic, pp. 81–115. DOI 10.5040/9781474292184.ch-004.

Nagornaia, O., Nikonova, O. (2018). Sowjetische Kulturdiplomatie in Osteuropa in der Nachkriegszeit: Ein Überblick über die neuesten Veröffentlichungen. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 66. No. 2, pp. 274–298. DOI 10.25162/jgo-2018-0011.

Nagornaia, O. S. (2018). „Esli друз'ya sochtut tselesoobraznym vydvinit'... my podderzhim“. Mezhdunarodnye Leninskie premii mira v sisteme sovetskoi kul'turnoi diplomatii. [“If our friends consider it appropriate to nominate him... we will support them”. International Lenin Peace Prizes in the System of Soviet Cultural Diplomacy]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 8. No. 3, pp. 737–753. DOI 10.21638/11701/spbu24.2018.313.

Nagornaia, O. S. (Ed.). (2018). *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyakh kholodnoi voyny (1945–1989)* [Soviet Cultural Diplomacy in the Cold War (1945–1989)]. Moscow, ROSSPEN. 445 p.

Nikonowa, O. Ju. (2017). 1947. Gesichter des Nachkriegssozialismus. In Behrends, J. C., Katzer, N., Lindenberger, T. (Hrsg.). *100 Jahre Rote Oktober. Zur Weltgeschichte der Russischen Revolution*. München, Ch. Links Verlag, S. 107–131.

Popa, R. M. (2009). Translating Equality between Women and Men across Cold War Divides: Women Activists from Hungary and Romania and the Creation of International Women's Year. In Penn, S., Massino, J. (Eds.). *Gender Politics and Everyday Life in State Socialist Eastern and Central Europe*. N. Y., Palgrave Macmillan, pp. 59–74.

“Posetite Germanskuyu Demokraticeskuyu Respubliku”. *Glavnoe upravlenie po inostrannomu turizmu pri Sovete Ministrov SSSR* [“Visit the German Democratic Republic”. General Directorate for Foreign Tourism under the Council of Ministers of the USSR]. (N. d.). S. l., S. n.

Poulos, M. (2017). Transnational Militancy in Cold-War Europe: Gender, Human Rights, and the WIDF during the Greek Civil War, European Review of History. In *Revue Européenne d'Histoire*. Vol. 24. No. 1, pp. 17–35. DOI 10.1080/13507486.2016.1155539.

RGAE [Russian State Economic Archive]. Stock 302. List 2. Dos. 245, 248.

RGANI [Russian State Archive of Contemporary History]. Stock 5. List 28. Dos. 363; List 36. Dos. 151.

Richers, Ju. (2013). Welt-Raum: Die Sowjetunion im Orbit. In Aust, M. (Hrsg.). *Globalisierung imperial und sozialistisch. Russland und die Sowjetunion in der Globalgeschichte. 1851–1991*. Frankfurt a/M, Campus, S. 400–424.

Romijn, P., Scott-Smith, G., Segal, J. (Eds.). (2012). *Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press. 239 p.

Scott-Smith, G., Krabbendam, H. (Eds.). (2003). *The Cultural Cold War in Western Europe 1945–1960*. L., Portland, Frank Cass. 335 p.

Tikhomirov, A. (2014). *“Luchshii drug nemetskogo naroda”: kul't Stalina v Vostochnoi Germanii (1945–1961 gg.)*. [“Best Friend of the German People”: The Stalin Cult in East Germany (1945–1961)]. Moscow, ROSSPEN. 310 p.

Volobuev, V. V. (2018). *Pol'sha v sovetskom bloke: ot “ottepeli” k krakhu rezhima* [Poland in the Soviet Bloc: From the ‘Thaw’ to the Collapse of the Regime]. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo. 270 p.

Vowinckel, A., Payk, M., Lindenberger, T. (Eds.). (2012). *Cold War Cultures: Perspectives on Eastern and Western European Societies*. N. Y., Berghahn Books. 396 p.

Wheeler, N. (2018). *Trusting Enemies: Interpersonal Relationships in International Conflict*. Oxford, Oxford Univ. Press. 384 p.

The article was submitted on 20.01.2020